МИРОВАЯ КЛАССИКА

Ю. НАГИБИН

По пути в бессмертие

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Весь интерес туристов сосредоточился на мадемуазель переводчице. Она была живой плотью незнакомой Бельгии, ее прислали заложницей зеленые разлинованные проволокой поля, коровы, медленно жующие жвачку, по-сорочьи пестрые телята, кудрявые перелески, кустарники, белые домики под черепичными крышами в глубине яблоневых садов…

- Юрий Нагибин
  ○

Юрий Нагибин
Мадемуазель

Все произошло до головокружения быстро. Только что Амстердам метнул под брюхо нашему ТУ-104 сухо-красные черепичные крыши своих домов и остро блещущие шпили своих колоколен, и мы, чуть не задев по касательной всю эту — сверху, с высоты — игрушечную готику, приземлились прямо за городской околицей. И костей не размяли и до здания аэропорта не добежали — снова в самолет. Подъем, снижение, словно гигантский прыжок под незатухающую надпись: «No smoking, fasten seat belts», и под колесами самолета — темная от недавнего дождика лента Брюссельского аэродрома. Еще во власти глухоты — не выдуть тампонов из ушей, — полные вибрации и какого-то внутреннего шума, в полубреду совершив таможенные и паспортные обряды, мы оказались на мягких сиденьях вместительного автобуса с веселым именем «Балерина», металлическими буквами нанесенным на борту возле передней дверцы, и помчались в сторону Брюсселя. Как-то краем, не задев центра, мы пронизали бельгийскую столицу и оказались опять за городом на широком, свободном шоссе, и большая желтая стрела поставила нам цель Намюр. Но до того как мы сломя голову устремились к Намюру, словно у нас и впрямь были там дела, автобус взял на борт пожилую даму с нарумяненными щечками и губками, с легкими всклокоченными волосами, куцую, толстую и неловкую, оказавшуюся нашим гидом на всю поездку.

— Зовите меня просто «мадемуазель», — были первые ее слова, произнесенные сильным носовым голосом.

Она опустилась на переднее сиденье, справа от водителя, уронив поочередно сумочку, туристский проспект, пенсне, подобрала все это, тяжело сопя, стукнувшись головой о голову галантного туриста, пришедшего ей на помощь, мускулом языка поправила сдвинувшуюся с места вставную челюсть и обратила к нам тускло-зеленый, выпуклый от толстых стекол, неподвижный рыбий взгляд.

Каждый образ человека почтенен, но Бельгия — «синяя птица с глазами принцессы Мален» — могла бы подарить нам иное воплощение девственности.

Вокруг разворачивались зеленые свежие поля, поделенные проволокой на квадраты, в каждом квадрате паслись без привязи две-три коровы с телятами; нарядно алела черепица деревень, потонувших в яблоневых садах; поля сменялись перелесками,

кустарниковой порослью, но все вокруг было чужим, неназванным, почти нереальным, впрочем, так и всегда бывает поначалу в чужой стране. Наше зрение, наша любознательность еще не были направлены, сориентированы, мы еще не знали алфавита окружающего мира, не научились подмечать его характерности, своеобразия, угадывать закономерности, пейзаж был сам по себе, мы сами по себе, но, опытные путешественники, мы не сомневались, что это временно и не сегодня-завтра мы научимся читать новую для нас страну. Пока же весь интерес сосредоточился на мадемуазель. Она была живой плотью незнакомой страны, ее прислали нам заложницей зеленые разлинованные проволокой поля, коровы, медленно жующие жвачку, по-сорочьи пестрые телята, кудрявые перелески, кустарники, белые домики под черепичными крышами в глубине яблоневых садов. Мы понимали, что доброе вторжение наших душ в эту страну свершится через мадемуазель, и обратили на нее все свое праздное и алчное любопытство.

В такие минуты неоценима женская помощь. Мы, мужчины, безнадежно топтались у предела, отделяющего условную, ничего не значащую любезность от живого обращения, а наши спутницы уже знали, почему дряхлая переводчица осталась пожизненно «мадемуазель». Ее жених погиб под Верденом в Первую мировую войну, и мадемуазель сохранила верность его памяти. Она говорила о себе без увлечения, но и без самолюбивого ломания и таинственных недомолвок. Видимо, мадемуазель не гордилась ни собой, ни своей биографией и, словно со стороны, беспристрастно излагала интересующие нас факты. Всю жизнь, кроме военных лет, проработав в бюро путешествий, мадемуазель недавно вышла на пенсию, но не выдержала одиночества — у нее нет ни родных, ни близких — и попросилась назад. Ее не хотели брать, считают — стара, бестолкова, но тут подвернулась наша группа, и хозяева бюро были вынуждены прибегнуть к ее услугам — русских переводчиков всегда не хватает. Правда, специальность мадемуазель — романские языки, русскую речь она усвоила кое-как, на слух, муж ее младшей сестры был из русской эмигрантской семьи.

— А где он сейчас?

— Его нет, погиб во время бомбежки Брюсселя вместе с женой и дочерью, — спокойно и обстоятельно пояснила мадемуазель.

— А где же все другие родственники мадемуазель?

В ответ загремели выстрелы, запылали печи лагерей смерти… Вой снарядов, сосущий свист осколков, звон разбитых стекол, грохот рушащихся зданий, и в тишине топот солдатских сапог,

лающая офицерская речь, надо всем неумолкающий женский крик — вот что звучало в медлительном, затрудненном, носовом голосе мадемуазель. В ее житейски тусклом, не притязающем на яркость рассказе гибли Льеж и Брюгге, Гент и Брюссель, тюрьмы сменялись лагерями, бедные попытки сопротивления пресекались свинцом, огнем и петлей. От простоты и будничности этих речей духота становилась непереносимой, хотелось крикнуть: «Остановитесь, мадемуазель, быть не может, чтобы все эти смерти, аресты, тюрьмы, лагеря, муки разлук, пытки страхом и ожиданием пришлись на долю одного человека!..» Но не поворачивался язык прервать ее, и неторопливо струился носовой голос…

Я вдруг заметил, какие широкие, сильные плечи у старой мадемуазель, прямо-таки плечи грузчика! Но едва ли какому грузчику довелось таскать такие тяжести…

Вокруг разворачивались мирные ландшафты, все так зелено и кудрявенько, а где надо, подстрижено; организованный человеком пейзаж уютен, мил и нетревожен. Но как же неуютен, горестен, гибелен в рассказе мадемуазель этот угревшийся под майским солнцем мир, эта малая земля посреди Европы! Но может быть, мадемуазель как-то особенно не повезло? О нет, ей на редкость повезло по сравнению с другими ее соотечественницами, миллионами европейских женщин. Она не вела к газовым камерам своих детей, не провожала мужа в циклоновую смерть, да и сама уцелела вопреки всему. Чуть обожженная, чуть поцарапанная, раз-другой засыпанная землей и кирпичным прахом, недолго, под конец войны, побывавшая в тюрьме, мадемуазель являла собой чудо живучести и удачи.

— Я на редкость везучая женщина! — смеется мадемуазель.

Смеется так, что вынуждена снять пенсне и протереть запотевшие стекла. И мы видим не защищенные стеклами голые глаза мадемуазель: чуть выкаченные, блекло-зеленые, не участвующие в смехе губ, гортани, разбежавшихся морщин. Глаза, наглядевшиеся на ужасы этого мира, на взрывы, истребление, гибель близких существ и разучившиеся смеяться. Мы благодарны мадемуазель, когда она водворяет пенсне на место.

— Намюр! — громко, раскатисто, с волнующим прононсом вскричала мадемуазель.

Да, это был старинный город Намюр. Чтоб мы могли вдосталь налюбоваться им, нас привезли на какую-то горушку, и город красиво открылся оттуда, живописный и загадочный, как и все города мира, когда глядишь на них сверху. А потом нас отвезли на другую гору, где раскинулся великолепный парк, набитый ярким солнцем в каждой щели между деревьями, кустами и в

прозорах густой листвы. В глубине парка высился старинный замок, увитый плющом, проточенный черным бархатным мхом по трещинам холодных кирпичных стен, и нам полагалось этот замок осмотреть. Мы облазали его и снаружи, и внутри, а когда вышли из плесенного полумрака, с чистого, в синеве и солнечном золоте, неба хлынул теплый ливень и, прошумев по листьям деревьев, сразу весь, без остатка, превратился в блестящие капли и серебристый пот на листве, траве, карнизах замка, наших прозрачных плащах, и крепчайший медовый запах насытил воздух. Оставаясь единой, группа наша распалась — каждый в своей глубине переживал миг редкого блаженного бытия…

К замку вела аллея буков вперемежку с каштанами. Не аллея даже, а тоннель — деревья смыкали ветви в вышине, образуя глухой тенистый свод. Деревья были равны по росту, лишь один каштан возносился над зеленой ратью. Высоченный — вблизи не окинешь взглядом, закутанный в тень от собственной листвы, отчего зеленое убранство казалось почти черным, — он простер над песчаной дорожкой огромную, усыпанную белым цветом ветвь. Казалось, отягощенная листьями, цветами и влагой, ветвь висит так низко, что можно достать рукой, и, проходя под нею на пути к замку, все мужчины нашей группы, вопреки обычной «зарубежной» чопорности, слегка подпрыгивали, пытаясь сорвать нежный белый цветок. Но даже самым высоким не удалось коснуться ветви. И вот сейчас, чуть отойдя от замка, я оказался свидетелем удивительного зрелища. Полагая, что мы заняты осмотром замка и не будем за ней подглядывать, мадемуазель резвилась под каштаном. Она разбегалась, старательно работая локтями, и подпрыгивала, тщась дотянуться до ветви. При каждом прыжке пенсне срывалось у нее с носа, волосы дыбом вздувались над головой, кофточка выскакивала из юбки, сваливались бескаблучные туфли, и вся дряхлая плоть приходила в грозное волнообразное движение. Видать, сильно застоялась мадемуазель, и сейчас, ощущая свою сопричастность людям и деятельной жизни, — возликовала старым сердцем. Лишь на краткий миг виденное явилось мне в образе смешном и чуточку стыдном, сразу возникло другое. Не престарелая переводчица, служащая бюро путешествий, — сама Европа, дряхлая и вечно юная, горевшая на всех кострах, казненная на всех плахах, распятая на всех крестах, без счету убитая и всегда живая, подпрыгивала, пригретая солнцем, опьяненная весной и благостью сущего, за белым цветом каштана на тяжко-влажной ветке.

И я понял, что не та светловолосая, матово-белая, длинноногая юная норвежка, и не та фарфоровая, хрупкая, словно

только что извлеченная из ваты, с тонкими щиколотками и запястьями англичанка, и не та бронзовая, большеротая и большеглазая, навек удивленная собственной красотой итальянка поистине достойны звания «мисс Европа», а наша толстая, неуклюжая, подслеповатая, старенькая и прекрасная мадемуазель…

Намюр